

A man in a dark jacket stands with his back to the camera in a narrow aisle of a warehouse. The shelves on both sides are overflowing with discarded items, including cardboard boxes, plastic bags, and various pieces of debris. The lighting is dim, with a few overhead lights illuminating the scene. The overall atmosphere is one of neglect and abandonment.

Альтер М.

Кладбище забытых вещей

Альтер М.

Кладбище забытых вещей

<https://litres.ru/74129977>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сантехник Глеб Калинин находит под городом огромное пространство — Кладбище забытых вещей. Там хранится всё, что люди когда-либо теряли, включая то, чего они не помнят. Среди бесконечных стеллажей он обнаруживает свои детские фотографии, на которых стоит рядом с самим собой, но старше на двадцать лет. Теперь Глебу предстоит узнать, кто он на самом деле и какую цену платят те, кто хочет вернуть потерянное.

Содержание

Глава 1. Трещина в основании	4
Глава 2. Ключ и эхо	20
Глава 3. Тот, кто остался ждать	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Альтер М.

Кладбище забытых вещей

Глава 1. Трещина в основании

Город задыхался. Не в том смысле, в каком задыхаются люди, прижатые к земле духотой июльского полдня, а иначе — глухо, фундаментально, словно в его бетонных лёгких скопилась вековая пыль. Сентябрь в этом году пришёл не золотом и паутиной, а затяжными, серыми дождями, от которых стены старых домов набухали влагой, как промокательная бумага. Дворы-колодцы превратились в чаши, собирающие мутную воду, а вместе с ней — шёпот и тени.

Глеб Романович Калинин, мужчина сорока трёх лет с лицом, которое преждевременно избородили морщины усталости, а не мудрости, этого дыхания не замечал. Вернее, он принимал его как данность, как шум дождя по карнизу или вой ветра в вентиляционной шахте. Он был сантехником. И, как любой сантехник старой закалки, знал: города не дышат, они протекают. Вся романтика мира разбивалась о чугунные трубы и ржавые муфты.

В то утро, когда всё началось, он сидел в тесной подсобке ЖЭКа, пахнувшей машинным маслом и дешёвым куревом, и смотрел на мятый листок заявки. Адрес вывела прыгающая

рука диспетчера Зинаиды: улица Соляная, дом 12/5. "Подвал топит. Зловоние. Жалоба жильцов". Ничего примечательного. Сотни таких заявок за двадцать лет работы. Соляная — улица на отшибе центра, где купеческие особняки девятнадцатого века гнили бок о бок с хрущёвками. Дом двенадцать дробь пять, как помнил Глеб, был одним из таких особняков — облупленный гигант с атлантами на фасаде, на лицах которых время оставило отметины, похожие на проказу.

За окном подсобки моросил дождь. Капли барабанили по стеклу, стекали вниз, искажая перспективу двора. Глеб неторопливо допил остывший чай из железной кружки, натянул промасленную спецовку и бросил в чемоданчик нехитрый инструмент: разводной ключ, фонарик, пару прокладок. Фонарик он проверил дважды — старый, армейский, с ребристым корпусом, который не скользил в мокрой руке. Луч света прорезал полумрак подсобки, высветив плавающую в воздухе взвесь. Казалось, даже воздух здесь состоял из мельчайших частиц ржавчины.

Улица встретила его промозглой сыростью. Глеб поднял воротник старой болоньевой куртки и зашагал в сторону Соляной, стараясь обходить лужи, в которых, как в чёрных зеркалах, отражалось низкое небо. Он не любил этот район. В нём было что-то неправильное, несоразмерное человеку. Слишком узкие арки, слишком глубокие подворотни, слишком тихие дворы, где звук шагов глож, словно вата. И запах. Запах сырого камня, смешанный с едва уловимым сладкова-

тым ароматом тления.

Дом 12/5 встретил его равнодушием слепых окон. Атланты, подпирающие балкон, скалились сточенными дождями ртами. Парадная дверь, высокая, с остатками резьбы, была приоткрыта. Из тёмного зева подъезда тянуло холодом и той самой вонью, на которую жаловались жильцы. Запах был не просто канализационный — в нём чувствовалась глубина, словно он поднимался из трещин в самой земле.

Подвал находился за неприметной дверью справа от лестницы. Глеб толкнул её, и ржавые петли взвизгнули, словно живое существо, которого потревожили. За дверью обнаружилась крутая каменная лестница, уходящая вниз, в темноту. Ступени были стёрты тысячами ног, но последние лет пятьдесят по ним явно не ступал никто, кроме таких же горемык из ЖЭКа. Со стен свисали космы паутины, налипшая на них пыль превратила её в подобие грязной марли.

Глеб зажёл фонарик и начал спуск. Луч заметался по стенам, выхватывая из мрака трещины, влажные разводы, пятна плесени, которые складывались в причудливые, почти осмысленные узоры. С каждым шагом вонь усиливалась, становилась плотнее, обретала привкус — медный, как старая кровь, и солоноватый, как слезы. Где-то внизу, в крошечной темноте, монотонно капала вода. Звук был ритмичный, как метроном: кап... кап... кап...

Спуск занял, как показалось Глебу, непривычно много времени. Обычно подвалы в таких домах неглубоки — мет-

ров пять, не больше. Здесь же лестница всё вилась и вилась, уводя всё дальше от тусклого света из подъезда. Стены из кирпичной кладки сменились бутовым камнем, неровным и грубым. Воздух стал холоднее. Глеб поёжился и остановился, переводя дух. Сердце колотилось где-то у горла — то ли от долгого спуска, то ли от странного, липкого ощущения, которое он гнал от себя.

"Старею", — подумал он, утирая со лба испарину, смешанную с каплями просочившейся сверху воды.

Наконец лестница кончилась, уперевшись в обширное пространство, залитое водой по щиколотку. Вода была чёрная, маслянистая, с радужными разводами на поверхности. Луч фонарика не пробивал её, а лишь скользил по поверхности. Подвал был заставлен древним хламом: поломанные стулья с выдранной обивкой, полусгнившие ящики, какие-то бочки. Вдоль стен тянулись трубы — толстые, чугунные, покрытые слоем ржавчины, похожей на спекшуюся кровь. Именно от них исходил тот самый запах.

Глеб, матерясь сквозь зубы, побрёл к дальнему углу, где, судя по схеме, находился основной стояк. Вода противно чавкала под ногами, сапоги вязли в иле. Он уже приготовился к привычной рутинной работе — найти свищ, зачистить, наложить хомут, — как вдруг заметил нечто странное. В луче фонаря, у самого основания стены, мерцал свет. Слабый, призрачный, зеленоватый, как у гнилушки.

Глеб замер. В подвале не было никаких источников све-

та — ни окон, ни ламп, ни даже щелей, через которые мог бы просочиться свет с улицы. Он нахмурился, потряс головой, ожидая, что видение исчезнет, но свечение оставалось на месте, пульсируя в такт каплям воды.

Проклиная своё любопытство, Глеб двинулся на свет. Пришлось перелезть через груды переломанных досок и обогнуть здоровенный котёл, давно проржавевший и молчаливый. Свет исходил из трещины в стене — неглубокой, но длинной, змеёй уходящей под потолок. Глеб посветил внутрь, но луч утонул в зеленоватом мареве, ничего не осветив.

Он протянул руку и коснулся края трещины. Камень был ледяным, обжигающе холодным, словно за стеной лежала вечная мерзлота. Но главное — от прикосновения по пальцам пробежал странный электрический разряд, не болезненный, а скорее... зовущий. Глеб отдернул руку, но любопытство уже взяло верх. Он отложил чемоданчик, достал из-за пояса небольшой ломик и, поколебавшись мгновение, вставил его в трещину.

Камень поддался неожиданно легко. Это был не монолит, а скорее слой спекшейся штукатурки или известкового налёта, скрывающий за собой пустоту. Куски отваливались с глухим стуком, падая в чёрную воду. За несколько минут Глеб расширил отверстие до размеров, достаточных, чтобы пролезть человеку его комплекции.

Он заглянул внутрь и обомлел.

За стеной открывался не узкий технический коридор, а огромное, уходящее во все стороны пространство. Это был не второй подвал и не заброшенная шахта. Это был... мир. Свод терялся где-то в вышине, скрытый клубящимся, зеленоватым туманом. Оттуда, сверху, не падал, а скорее сочился рассеянный, сумеречный свет, который и создавал это жуткое свечение. Воздух здесь был иной — сухой, спёртый, пахнущий старой бумагой, нафталином и чем-то ещё, чему Глеб не мог подобрать названия. Запах ушедшего времени.

Повинуясь безотчётному импульсу, Глеб перелез через край пролома и спрыгнул вниз, на удивительно ровный, утопанный пол. Сапоги стукнули по камню. Фонарик в руке казался бесполезной игрушкой — его луч тонул в зеленоватой дымке, выхватывая лишь ближайшие метры пространства. Но и этого хватило, чтобы понять: он стоит на пороге какого-то гигантского, бесконечного склада.

Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись стеллажи. Бесконечные ряды стеллажей, уходящие в туман, вправо и влево, вперёд и, казалось, вверх. Они были сделаны из тёмного, почти чёрного дерева, тяжеловесные и монументальные, как библиотечные шкафы девятнадцатого века. Но вместо книг на полках лежали, стояли, висели вещи. Миллионы вещей.

Глеб сделал несколько шагов вперёд, чувствуя себя незваным гостем в соборе, посвящённом материальному миру. Он подошёл к ближайшему стеллажу. Луч фонаря скользнул по полкам.

Там лежали ключи. Сотни, тысячи ключей всех форм и размеров — от крошечных ключиков от шкатулок до массивных амбарных, покрытых ржавчиной. Некоторые были перевязаны бечёвкой, к другим были прикреплены бирки с выцветшими чернилами. Чуть дальше на стеллаже грудой были свалены очки — старомодные пенсне, роговые оправы, раздавленные дужки. Стёкла тускло поблёскивали в свете фонаря, как глаза дохлых рыб. Рядом высилась гора зонтов — шёлковых, тростниковых, поломанных, вывернутых ветром, с ручками в виде собачьих голов и утиных клювов.

Но самое странное было в том, как эти вещи располагались. Это не было похоже на музей или антикварную лавку. Это не было результатом систематизации человеческого разума. Ключи лежали вперемешку с детскими куклами. Куклы — лысые, с выцарапанными глазами, в истлевших платьях — сжимали в пластмассовых пальцах связки писем. Письма, перетянутые чёрными лентами, были сложены штабелями, как дрова, между фарфоровыми статуэтками и пачками старых фотографий.

Глеб поднял одну из фотографий. С пожелтевшего снимка на него смотрели люди с застывшими, серьёзными лицами, одетые по моде начала века. Кто они? Где жили? Кем были? Их образы давно истлели в памяти потомков, но здесь, в этом подземном склепе, они обрели посмертное существование. Потерянные вещи. Не просто забытые где-то в спешке, а выпавшие из памяти, из бытия. Те, о ком никто не помнит.

Он двинулся дальше по проходу между стеллажами. Тишина стояла не просто абсолютная, а глубокая, как давление толщи вод. Каждый его шаг, каждый шорох одежды отдавался многократным эхом, гулким и невнятным. В воздухе висела тонкая, почти невидимая пыль, которая искрилась в луче фонаря. И в этой тишине Глеб вдруг отчётливо осознал чудовищный масштаб этого места. Это был не склад. Это был архив. Архив исчезнувших смыслов.

Его взгляд зацепился за что-то знакомое. На одном из стеллажей, среди вороха детских игрушек, лежал плюшевый медведь — облезлый, с оторванной лапой и одним глазом-пуговицей. Второй глаз отсутствовал. У Глеба внутри что-то сжалось, а затем тревожно дёрнулось. Он знал этого медведя. Он помнил эту пуговицу — перламутровую, с тремя дырочками, пришитую маминой рукой. Медведь пропал, когда Глебу было семь лет. Они переехали с одной квартиры на другую, и коробка с игрушками затерялась. Он горевал неделю, а потом забыл. Как забывают всё в семь лет.

Но здесь, в этом жутком подzemелье, медведь ждал его. Ждал почти сорок лет.

Рука сама потянулась к игрушке. Пальцы коснулись пыльной, свалывшейся шерсти, и в голове словно что-то щёлкнуло. Накатило воспоминание — не просто картинка, а целая волна ощущений: вкус земляничного мыла, скрип паркета в старой квартире, мамина колыбельная, тепло бока печки. Глеб отдернул руку как от огня. Медведь смотрел на него

единственной пуговицей, и в этом взгляде не было ни благодарности, ни теплоты — лишь тусклый, стеклянный укор.

Он попятился, чувствуя, как сердце начинает колотиться о рёбра. Ему стало страшно. Не тем животным страхом от темноты и неизвестности, а другим — ледяным, пробирающим до костей, страхом перед открывшейся бездной. Сколько вещей его жизни, забытых, выброшенных, потерянных, покоится здесь? Ключи от первой машины, которую угнали и разобрали? Фотография, где он с отцом на рыбалке, которую отец порвал в сердцах, а он, Глеб, так и не смог склеить? Записная книжка с номером телефона девушки, которую он любил до беспамятства, но так и не позвонил?

Он боялся идти дальше, но ещё больше боялся оставаться на месте. Инстинкт подсказывал бежать, вернуться к пролому, выбраться обратно, в вонючий подвал, под морозящий дождь, забыть всё это как страшный сон. Но вместо этого ноги сами понесли его вперёд, вглубь лабиринта стеллажей. Повинуясь какой-то неведомой силе, какому-то зову, который теперь звучал уже не в ушах, а прямо в голове, пульсируя в такт крови.

Он миновал проход, заваленный дамскими сумочками из кожзаменителя, из которых высыпались зеркала, помады и старые проездные билеты. Прошёл мимо пирамиды из зонтов-тростей с вензелями. Ряды стеллажей сменяли друг друга, и постепенно вокруг начали появляться вещи, которые он не просто помнил, но узнавал с кристальной, болезненной

ясностью.

Вот старая настольная лампа с зелёным абажуром — точно такая же стояла на письменном столе его деда, профессора истории. Дед умер, когда Глеб был подростком, а лампу то ли выбросили, то ли продали. Вот целая полка, уставленная спичечными коробками с этикетками разных стран. Глеб собирал их в детстве, пока мать не выкинула коллекцию, посчитав мусором. Каждый коробок был аккуратно выставлен, и Глеб мог поклясться, что между ними лежат те самые плоские камешки-"лягушки", которыми он так гордился, находя их на берегу реки.

Он шёл, почти не дыша, сжимая фонарик в побелевших пальцах. Вокруг становилось всё тише. Собственные шаги он теперь слышал как сквозь вату. Воздух казался гуще, и в нём появился новый запах — запах старых фотоальбомов, смешанный с горьковатой пылью, которая оседает на языке.

Наконец он вышел на небольшую, относительно свободную площадку, огороженную стеллажами, как стенами комнаты. В центре, на массивном дубовом столе, стояло несколько картонных коробок. Но не они привлекли его внимание. За столом, прислонённые к стеллажу, стояли три большие фанерные доски, обтянутые выцветшим бархатом. Фотографии. Увеличенные, постановочные портреты в рамках. Их было три.

Глеб приблизился, чувствуя ледяную дрожь в затылке. Луч фонаря лег на первый портрет. С фотографии смотре-

ла его мать — молодая, красивая, в том самом платье в горошек, которое он помнил смутно, как образ из колыбельной. Она улыбалась, но улыбка эта была неестественной, напряжённой, словно кто-то велел ей замереть на долгие годы. Глеб не помнил этой фотографии. Никогда в жизни её не видел.

Второй портрет заставил его вздрогнуть и отшатнуться. Отец. Жёсткое, волевое лицо, пересечённое шрамом на левой щеке. Глаза смотрели с укором, который Глеб помнил слишком хорошо. Отец ушёл из семьи, когда сыну было десять. Ушёл и растворился в пьяном дурмане больших городов. Но этот снимок был сделан явно позже — он выглядел лет на шестьдесят, глубокий старик, в то время как в реальности он умер в пятьдесят пять. Откуда здесь это фото?

Но третий снимок... Третий снимок заставил Глеба замереть, раскрыв рот в беззвучном крике.

Это был он сам. Только маленький. Лет семи-восьми. Он стоял на фоне кирпичной стены, в смешной шапке-ушанке и драповом пальтишке. Но не детское лицо испугало Глеба. Испугала фигура, стоящая рядом с мальчиком. Положив руку ему на плечо, рядом стоял мужчина. Высокий, сутулый, в знакомой до боли брезентовой куртке. Лицо мужчины было обращено прямо в объектив, и на нём застыла та же неестественная, вымученная улыбка, что и у матери.

Это был он, Глеб. Только старше лет на двадцать. Тот же шрам над бровью, полученный в юношеской драке, те же

глубокие залысины, тот же усталый, прищуренный взгляд. Взрослый Глеб Калинин стоял, обнимая самого себя маленького, и смотрел в никуда.

Фонарик в руке дрогнул. Луч заметался по снимку, хватывая чудовищные детали. Откуда эта фотография? Он никогда не видел её! Её не существовало! Это невозможно! Монтаж? Чья-то глупая и злая шутка? Но в эпоху его детства не умели так монтировать, а если бы и умели, то зачем? Кому понадобилось создавать этот фантом, это призрачное свидетельство встречи, которой никогда не было?

Память услужливо подкинула воспоминание, от которого кровь застыла в жилах. Улица Соляная. Они жили на соседней улице, но гулять мать водила его сюда, в этот двор. Говорила, здесь тихо, нет машин, одни кусты сирени и атланты. Он помнил эту сирень, её запах, тяжелые мокрые гроздья. Помнил, как однажды, кажется, осенью, он отбежал от матери и заигрался у стены. Какая-то фигура вышла из подъезда, постояла, глядя на него. Он не испугался, а наоборот, подошёл. Высокий дядька в брезентовой куртке. Лица он не запомнил. Дядька долго смотрел на него, а потом молча ушёл. Больше Глеб его никогда не видел. А мать потом говорила, что никакого дядьки не было, показалось.

Так это был не сон? Это была не игра детского воображения?

Глеб осел на ящик, стоящий рядом. Ящик жалобно скрипнул под его весом. Он смотрел на фотографию, и его ра-

зум, закалённый двадцатью годами работы с железками и дерьмом, отказывался принимать происходящее. Это место, этот бесконечный архив, оно не было складом забытых вещей. Это было нечто иное. Кладбище. Хранилище вычеркнутых из реальности событий, потерянных мгновений времени, альтернативных жизней.

То, что лежало здесь, не просто терялось — оно переставало существовать. Выпадало из причин и следствий. Но кем? И главное — зачем? И почему здесь, в этой проклятой точке, под старым домом на Соляной, хранятся куски его, Глеба, жизни? Почему стоит стена с его портретами, как надгробиями на могиле нерождённого?

Он заставил себя подняться. Ноги дрожали, в висках стучало. Надо было уходить. Срочно. Бежать из этого склепа, забыв обо всём. Но взгляд его упал на коробки, стоящие на столе. Их было три. На боку каждой аккуратным, каллиграфическим почерком, выцветшими чернилами было выведено: "Глеб Калинин". Номер один, номер два и номер три.

Первая коробка была открыта. Внутри лежали те самые спичечные коробки, которые он уже видел. Сверху лежал тетрадный лист в косую линейку. Детским корявым почерком на нём было написано: "Моя коллекция". Грамматическая ошибка, которую он помнил, за которую его ругала учительница. Он стоял и смотрел на этот лист, на эту неправильную букву "ы", и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

Вторую коробку он открыл сам. Руки слушались плохо,

пальцы онемели. Внутри лежали письма. Письма, которые он никогда не отправлял. Черновики. Признания в любви женщине, на которой он в итоге не женился. Объяснения с другом, с которым поссорился. Слова, застрявшие в горле. Всё это материализовалось здесь. Прочитанные, но не озвученные мысли.

Третью коробку он боялся открывать. Но какая-то сила, темная и насмешливая, заставила его снять крышку. Внутри, на самом дне, лежал один-единственный предмет. Маленький, блестящий. Глеб взял его трясущимися пальцами.

Это был ключ. Совершенно новый, без следов ржавчины. Металл приятно холодил ладонь. На головке ключа была выгравирована одна буква: "Г".

В этот момент тишину разорвал звук. Глухой, вибрирующий удар, донёсшийся откуда-то из глубины, из-за бесконечных рядов стеллажей. За ним второй, третий. Словно кто-то огромный и неторопливый начал свой путь, продираясь сквозь завалы забытого. Пол под ногами едва уловимо задрожал.

Глеб похолодел. Инстинкт самосохранения взревел сиреной, перекрывая и боль, и страх, и липкое любопытство. Он сунул ключ в карман спецовки, даже не осознавая этого движения. Развернулся и побежал.

Он бежал, путаясь в лабиринте проходов, петляя между стеллажами, которые, казалось, сдвигались, перегораживая путь. Фонарик предательски мигал, луч гас и снова загорал-

ся, выхватывая из тьмы уродливые тени забытых сокровищ. Сзади нарастал гул, и в этом гуле ему слышался тяжёлый, утробный вздох самого пространства. Кладбище просыпалось.

Он добежал до пролома, когда за спиной что-то оглушительно треснуло, словно кость великана. Глеб, не оглядываясь, нырнул в дыру, обдирая плечи о рваный камень, и кубарем выкатился в затопленный подвал, прямо в чёрную, маслянистую воду. Вскочил, задыхаясь от вони и страха, и кинулся к лестнице. Свет в проломе за спиной моргнул в последний раз и погас, оставив его в крошечной тьме старого подвала.

На негнущихся ногах он взобрался по ступеням, рывком открыл дверь и ввалился в подъезд. Там всё было по-прежнему — грязные стены, запах кошек, тусклая лампочка под потолком. Как будто ничего и не было. Только с вымокшей одежды стекала чёрная вода, образуя лужу на истёртом кафеле.

Глеб прислонился к холодной стене, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Он машинально полез в карман, ища сигареты. Пальцы наткнулись на холодный металл. Он вытащил ключ.

Маленький, блестящий ключ с гравировкой "Г" на головке лежал на его мокрой ладони, поблёскивая в тусклом свете подъездной лампочки. Значит, это был не сон. Значит, фотография, медведь, письма — всё это существует. Существует

там, под старым домом. Ждёт.

И он вернётся. Он знал это с той же холодной, обречённой уверенностью, с какой вода капает в глубине, с какой ржавчина разъедает трубы. Он должен узнать, откуда взялся этот снимок. Кто тот человек, что смотрел на него из далёкого детства его же собственными глазами. Он сжал ключ в кулаке так сильно, что бороздка впилась в кожу, оставляя красную отметину, похожую на первую букву его имени. Глубинная дрожь, зародившаяся там, внизу, всё ещё билась в основании позвоночника, но теперь к ней примешивалось новое, острое чувство.

Глава 2. Ключ и эхо

Дверь подъезда хлопнула за спиной с тем особенным, утробным звуком, какой бывает только у старых, разохшихся дверей: не просто стук, а приговор. Глеб остался стоять на крыльце под козырьком, глядя, как дождь промывает серые камни двора. Капли падали с карниза, разбиваясь о бетонный порожек, и в их монотонном шуме ему чудился отголосок того далёкого метронома из подвала: кап... кап... кап... Он сунул руку в карман и нащупал ключ. Металл всё ещё был ледяным, будто только что вынутым из проруби, хотя ладонь, сжимавшая его, горела.

Он не помнил, как добрался домой. Улицы расплывались в пелене мороси, фигуры прохожих казались размытыми тенями, а свет фар превращался в длинные, дрожащие полосы. Сознание зафиксировало только отдельные кадры: мокрый асфальт, отражение фонаря в луже, ржавая решётка ливнёвки, звук собственных шагов, глухой и торопливый. Перед глазами стояла фотография — он, маленький, и он, взрослый, с рукой на плече. Стояли и смотрели прямо в душу, словно спрашивая о чём-то, чего он сам не знал.

Жил Глеб на окраине, в панельной девятиэтажке, где пахло кислой капустой из вентиляции и где лифт всегда дрожал, как в лихорадке. Однокомнатная квартира встретила его привычным запахом одиночества: старой мебели, пыли

на книгах и едва уловимым ароматом машинного масла, который намертво въелся в его руки и одежду. Он включил свет в прихожей, тусклую лампочку без плафона, и замер, привалившись к дверному косяку. Пальцы разжались, и ключ упал на пол, глухо стукнув о линолеум.

В тишине квартиры этот звук прозвучал как удар колокола. Глеб смотрел на маленький блестящий предмет, лежащий у его ног, и чувствовал, как внутри нарастает волна тошнотворного, липкого ужаса. Это был не просто страх перед неизвестным — таким, как встреча с грабителем в подворотне или падение с высоты. Это был ужас перед вторжением иррационального в выверенную, понятную жизнь. Всю жизнь он чинил трубы. Всю жизнь он знал: есть причина и есть следствие. Ржавчина — от воды, трещина — от старости, запах — от засора. Но как объяснить ключ, выпавший из несуществующей коробки? Как объяснить фотографию, на которой запечатлено то, чего никогда не было?

Он поднял ключ и прошёл на кухню. Там он сел на табурет, не зажигая света, и положил находку на стол, покрытый старой, выцветшей клеёнкой. Свет из окна — рассеянный, серый — падал на металл, и тот отливал тусклым серебром. Ключ был простой, без витиеватых бороздок, которыми украшают старинные замки. Плоская головка с аккуратно вырезанной буквой "Г", прямой стержень, две бородки. Ни ржавчины, ни царапины. Словно его только что изготовил мастер, вложивший в работу всё своё умение.

Глеб взял ключ двумя пальцами и поднёс к глазам. Буква "Г" была выгравирована глубоко и чётко. Он потёр её ногтем — не стиралась. Повернул ключ боком, пытаясь разглядеть хоть какой-то дефект, но поверхность оставалась идеально гладкой. Тогда он поднёс его к носу, вдохнул запах. Металл не пах ничем — ни маслом, ни сталью, ни сыростью. Он вообще не имел запаха, и это пугало сильнее всего.

Он вспомнил медведя. Облезлого, одноглазого, с перламутровой пуговицей. Вспомнил, как пальцы коснулись свалывшейся шерсти, и сознание затопил запах земляничного мыла и тепло старой печки. Там, в подвале, он отдёрнул руку. Теперь же, сидя на кухне, он вдруг отчётливо осознал: вещь помнила. Медведь хранил в себе его детство, его забытые ощущения. И ключ тоже что-то хранил. Но что? Чью память? Какую дверь он должен открыть?

Просидев так почти час, Глеб заставил себя встать. Надо было переодеться — спецовка до сих пор была влажной, от неё пахло ржавой водой и той сладковатой гнилью. Он стянул её, бросил в угол ванной, долго стоял под горячим душем, пытаясь смыть с себя ощущение прикосновения к чему-то запредельному. Вода барабанила по плечам, стекала вниз, унося чёрные разводы, но чувство не уходило. Оно засело где-то в глубине груди, словно вдохнул ядовитый дым.

После душа он натянул старый свитер и джинсы и прошёл в комнату. Там, на подоконнике, стоял телефон — старый, дисковый, чёрный, с трубкой на витом шнуре. Глеб снял

трубку и набрал номер матери. Гудки тянулись долго, монотонно, отдаваясь в ухе пульсирующей болью. Наконец на том конце раздался щелчок и слабый, надтреснутый голос:

— Алло?

— Мам, это я, — сказал Глеб, и голос его прозвучал хрипло, будто он не говорил несколько дней.

— Глебушка? Что-то случилось? Ты поздно звонишь.

На часах было начало десятого. Для матери, живущей по режиму, это была почти ночь. Он знал, что разбудил её, но ничего не мог с собой поделать.

— Слушай, мам... — Он замолчал, подбирая слова. — Помнишь, мы жили на Пряжильной, когда я маленький был?

— Ну как не помнить? Конечно, помню. А что такое?

— Ты меня гулять водила на Соляную. Там ещё двор с атлантами, помнишь? Дом двенадцать дробь пять.

В трубке повисла пауза. Такая долгая, что Глеб подумал, не оборвалась ли связь. Он слышал только слабое потрескивание и дыхание матери.

— Мам?

— Помню, — сказала она наконец. — Помню тот дом. Только зачем ты про него вспомнил? Хоронить его давно пора, а не ремонтировать. Он гнилой насквозь.

— Мам, — Глеб набрал воздуха, — со мной, когда я маленький был, во дворе том случай был. Я от тебя отбежал и к подъезду подошёл. Там мужик какой-то стоял, в брезентовой куртке. Высокий такой, сутулый. Он на меня смотрел

долго, а потом ушёл. Ты тогда говорила, что никого не было. Мол, привиделось. Помнишь такое?

Снова пауза. На этот раз она была тяжелее, гуще. Мать дышала в трубку часто и прерывисто, словно ей не хватало воздуха. Глеб ждал.

— Не было, — отрезала она. — Я тебе уже говорила: не было там никого. Ты в арку забежал, а там темно было, ты и испугался. Детское воображение. Выдумал.

— А фотография? — вдруг спросил Глеб, сам не понимая, зачем. — У нас была фотография, где я маленький, в ушанке, на фоне кирпичной стены? С кем-то ещё?

— Какая фотография? — в голосе матери послышалась неприкрытая тревога. — Нет у нас таких фотографий. У тебя жар, Глеб? Ты заболел? Чего спрашиваешь всякое на ночь глядя?

— Со мной всё в порядке, мам. Просто вспомнил. Ладно, спи. Завтра перезвоню.

Он положил трубку, не дожидаясь ответа. Материнский страх, её слишком быстрый, резкий ответ — всё это только подтвердило его подозрения. Она что-то знала или догадывалась. И это знание пугало её не меньше, чем его самого.

Он долго сидел в темноте, глядя на телефон. Потом встал, подошёл к шкафу и выдвинул нижний ящик — тот самый, в котором хранилось всё, что было связано с прошлым и что он редко доставал. Старые альбомы, конверты с письмами, коробочки с мелочами. Он вывалил содержимое на кровать

и начал перебирать.

Вот альбом с чёрно-белыми снимками — мать молодая, отец с орденскими колодками на пиджаке, совсем незнакомые люди. Вот он сам, дошкольник, в матроске, на фоне моря. Вот первый класс, букет гладиолусов. Вот они с отцом на рыбалке — та самая, которую отец потом порвал. Глеб держал в руках две половинки, склеенные пожелтевшим скотчем. На снимке отец улыбался, обнимая его за плечи, и лицо у него было ещё не изношенное, живое. Глеб сглотнул.

Он перебирал фотографию за фотографией, с нарастающим чувством нереальности происходящего. Ни на одной не было того кадра. Ни на одной не мелькнула знакомая кирпичная стена двора на Соляной. Но было другое. Среди пачки старых, слипшихся фотографий он нашёл одну, которая заставила его сердце пропустить удар.

Снимок был сделан явно в том самом дворе. Он, Глеб, лет семи, стоит возле куста сирени и смеётся, глядя в объектив. На заднем плане — часть фасада с атлантами, часть арки. И у самого края кадра, сбоку, видна фигура. Высокий мужчина в брезентовой куртке, который как раз уходит, повернувшись вполборота. Лица не разобрать — оно смазано, словно человек двигался слишком быстро для выдержки фотоаппарата. Но поза, сутулость плеч, сама куртка — всё это было ему знакомо до боли. Он держал фотографию дрожащими пальцами, вглядываясь в смазанный силуэт, и чувствовал, как холодная игла страха входит в позвоночник.

Значит, всё-таки был. Был тот самый "дядька". Мать врала или забыла — но сейчас это не имело значения. Важно было другое: тень, попавшая на снимок, была не просто случайным прохожим. В ней чувствовалась намеренность, словно она пришла именно за ним.

Глеб отложил снимок и потёр виски. Голова гудела, как после удара. Он попытался вспомнить тот день в деталях. Синь неба, запах мокрой сирени, шершавая поверхность кирпича. И тихий голос, который он тогда услышал. Или ему показалось, что услышал? "Не бойся. Ты ещё вернёшься". Нет, это уже фантазия, достроенная взрослым разумом. Или нет?

Он подошёл к окну и распахнул его, впуская сырой ночной воздух. Дождь кончился, но небо висело низкое, бурое, подсвеченное огнями города. Где-то далеко пролаяла собака. Глеб стоял и смотрел в пустоту, пытаясь собрать мысли воедино.

Кто такой этот человек? Почему он оказался на фотографии, которой не должно быть? И главное — почему он, Глеб, нашёл её там, в подземном склепе, среди забытых вещей? И ключ... Ключ с буквой "Г" — его инициал. Но может ли это означать что-то иное? "Г" — Глеб? Или "Г" — Гость?

Наутро он не пошёл на работу. Впервые за много лет позвонил в ЖЭК и сказался больным. Зинаида, диспетчер, хмыкнула в трубку, но ничего не сказала. Глеб оделся и отправился в городской архив.

Архив располагался в старом кирпичном здании с узкими окнами и массивными дубовыми дверьми, которые открывались с протяжным скрипом. Внутри пахло бумагой, клеем и временем — тем самым запахом, который он почувствовал там, внизу. Только здесь он был суше, но не менее густ. Служительница, сухая старуха в вязаной шали, подозрительно посмотрела на Глеба поверх очков, но когда он объяснил, что ищет сведения по дому двенадцать дробь пять по улице Соляной, она лишь поджала губы и ушла в глубину стеллажных лабиринтов.

Вернулась она через полчаса, неся в руках две толстые папки с пожелтевшими завязками.

— Вот, — сказала она, кладя их на стол. — Что нашлось. Дом-то старый, купеческий. Потом коммуналки, потом расселили. Материалов мало. Читайте здесь, выносить не дам.

Глеб сел за длинный, изрезанный чернилами стол и открыл первую папку. Там лежали пожелтевшие газетные вырезки, машинописные листы, планы этажей. Он начал перебирать их, вчитываясь в выцветшие строки.

Сначала шла обычная история: дом построен в 1870-х годах купцом второй гильдии Платоном Саввичем Зотовым, который занимался скупкой и перепродажей антиквариата. Зотов был человеком замкнутым, держал в доме странные вещи, выписывал книги из-за границы. Соседи его не любили, поговаривали, что он сносится с тёмными силами. В 1893 году Зотов исчез. Просто исчез — вышел из дома и не вер-

нулся. Полиция искала, но не нашла ни тела, ни следов. Дом отошёл наследникам, которые вскоре тоже начали пропадать один за другим. К началу века в доме осталась лишь старая экономка, которая ютилась в дворницкой и бормотала что-то о "подземном ходе" и "склепе".

Дальше — пробел. Революция, национализация, уплотнение. Дом стал коммунальным, в подвале оборудовали бомбоубежище во время войны, а после — склады и технические помещения. Но и в советское время с домом творилось неладное. В 1950-х годах в подвале пропали двое рабочих, ремонтировавших трубы. В 1968-м исчезла женщина, жившая на первом этаже — её искали, но не нашли, заявление списали на бытовую ссору. В 1983-м, когда Глеб был ещё ребёнком, в подвале нашли мёртвого мужчину — он умер от сердечного приступа, но на лице его застыла гримаса такого ужаса, что выдавшие виды врачи скорой отказывались смотреть.

Глеб читал эти строчки, и по спине его бежали мурашки. Значит, он не первый, кто столкнулся с тем, что скрыто под домом. Но он, кажется, зашёл дальше других. Или его впустили намеренно?

Он оторвался от бумаг и потёр уставшие глаза. Старуха за своим столом вязала, не обращая на него внимания. Глеб перевернул ещё несколько страниц и наткнулся на рукописный лист, вложенный отдельно. Почерк был старый, с наклоном влево, чернила выцвели до коричневого. Это оказалось

письмо, адресованное некоему "господину Зотову" и датированное 1891 годом. Глеб с трудом разобрал текст:

"Платон Саввич, драгоценный мой! Посылаю Вам тот самый предмет, о коем мы давеча толковали. Добыт он в развалинах старого монастыря, что у Чёртова городища. Старцы тамошние сказывали, что ключ сей — от врат, кои ни в одну стену не вставлены, а ведут туда, куда человеку ходу нет. Истинно говорю: от греха подальше выбросьте его. Или храните, но помните: каждые врата требуют платы. А плата та — не золото и не серебро, а то, что человеку дороже жизни. Ваш покорный слуга, Иннокентий Ребров".

Глеб перечитал письмо трижды. Ключ. "Ключ сей — от врат, кои ни в одну стену не вставлены". Он машинально полез в карман и нащупал холодный металл. Неужели тот самый? Неужели этот ключ пролежал в недрах земли больше ста лет, чтобы попасть к нему в руки? И что значит "каждые врата требуют платы"?

Он вспомнил коробки с его именем. Вспомнил первую — коллекцию спичечных этикеток, которые выбросила мать. Вторую — письма, которые он не отправил. Третью — пустую, где лежал только этот ключ. Может быть, плата уже взята? Может быть, все эти потерянные вещи, все эти забытые моменты — не просто хлам, а частицы души, которые он невольно отдал, сам того не зная?

К горлу подкатила тошнота. Глеб захлопнул папку, извинился перед служительницей и вышел на улицу, глотая сы-

рой воздух. Солнце так и не появилось, небо по-прежнему было обложено серыми, набухающими дождём облаками. Он стоял на крыльце архива, сжимая в кармане ключ, и понимал, что выбора у него нет. Он должен вернуться туда. Должен найти ту дверь, к которой подходит этот ключ. Иначе этот холодный кусок металла будет жечь его руку до конца дней.

Весь оставшийся день он провёл в лихорадочных приготовлениях. Купил в хозяйственном магазине новый фонарь, большой, с мощной лампой и запасными батареями. Достал из кладовки моток верёвки, альпинисткий карабин — память о недолгом увлечении горным туризмом в юности. Проверил старый армейский нож, который всегда лежал в ящике с инструментами. Сложил всё в рюкзак, туда же сунул флягу с водой, кусок хлеба, пачку сигарет. В карман куртки положил ту самую старую фотографию, где он смеётся у куста, а на заднем плане тает тень.

Он знал, что делает глупость. Знал, что, возможно, не вернётся. Но где-то в глубине души крепло странное, почти забытое чувство: чувство правоты, необходимости. Словно кто-то, сидевший внутри него все эти годы, наконец проснулся и требовал правды. Он должен узнать, кем был тот человек. Должен понять, что скрывается за зелёным туманом.

Ближе к вечеру, когда сумерки уже начали сгущаться, Глеб вышел из дома. Снова накрапывал дождь, мелкий и хо-

лодный. Улицы пустели, редкие прохожие спешили по домам, пряча лица в воротники. Он шёл к дому на Соляной тем же маршрутом, что и вчера, и каждый шаг отзывался в груди тяжёлым, гулким эхом. Город вокруг него словно выцветал, терял краски, становился похож на старую фотографию. Даже звуки — шум машин, голоса — сделались глуше, будто он погружался на дно колодца.

Дверь подъезда была приоткрыта. Табличка с номером дома покосилась и держалась на одном гвозде. Глеб вошёл внутрь. Лампочка под потолком тускло освещала облупленные стены, усеянные надписями, которые он не стал читать. Он сразу направился к двери в подвал. Она была закрыта, но не заперта — ручка поддалась легко, с уже знакомым визгом. Из проёма пахнуло сыростью, плесенью и тем самым сладковатым душком, от которого его передёрнуло.

Он зажёл новый фонарь. Луч ударил ровным, белым светом, намного ярче старого армейского. Ступени, уходящие вниз, выглядели так же, как вчера: стёртые, в трещинах, запорошённые пылью. Глеб начал спуск, и с каждым шагом тишина вокруг него уплотнялась. Исчезли звуки города, исчез шум дождя — остался только стук его сердца и далёкое, ритмичное капанье воды.

Он спустился в тот самый зал, залитый чёрной водой. Сегодня воды было меньше, или ему показалось. Луч фонаря метнулся по стенам, выхватывая груды хлама, ржавые трубы и тёмный зев пролома, который он вчера оставил. Пролом

был на месте. Но когда Глеб подошёл ближе, он заметил, что края его изменились: острые кромки камней словно оплавились, стали гладкими, и проём затянула тонкая, полупрозрачная плёнка, похожая на слюду или застывший желатин. Она мерцала в свете фонаря зеленоватыми искрами и казалась живой.

Глеб остановился, не доходя нескольких шагов. Внутри всё сжалось от страха, но он заставил себя подойти. Протянул руку и прикоснулся к плёнке. Она была холодной и податливой, как резина. Сквозь неё смутно угадывались очертания того бесконечного пространства — стеллажи, уходящие в туман.

И вдруг он услышал звук. Тихий, едва различимый, но явственный. Кто-то пел. Или, скорее, напевал — глухой, низкий голос, доносящийся из-за плёнки. Мелодия была простой и жуткой одновременно, похожей на заубойную песню, слова которой невозможно разобрать. Глеб отшатнулся, но тут же снова шагнул вперёд. Страх боролся с любопытством и тем непонятным зовом, который он ощущал с прошлого раза. Повинуясь порыву, он достал из кармана ключи, не отдавая себе отчёта, приложил его к плёнке.

Эффект был мгновенным. Плёнка зашипела, пошла пузырями и разошлась в стороны, словно живая ткань, расступаясь перед скальпелем. Проём открылся, и в лицо Глебу ударила волна сухого, морозного воздуха, пахнущего старой бумагой и нафталином. Пение сделалось громче, а затем

резко оборвалось, оставив после себя звенящую тишину.

Он шагнул внутрь.

На этот раз пространство встретило его иначе. В прошлый раз здесь царил сумрак и относительный порядок. Теперь же казалось, что всё вокруг пришло в движение. Стеллажи, раньше стоявшие ровными рядами, теперь изгибались, пересекались под немыслимыми углами, образуя нечто вроде гигантского лабиринта. С верхних полок свешивались какие-то тряпки, ленты, обрывки кружев. Пол был усыпан мелочами: пуговицами, монетами, сломанными карандашами, стеклянными шариками. При каждом шаге они хрустели под ногами, и звук этот разносился далеко вокруг.

Глеб шёл медленно, освещая путь фонарём. Он старался запоминать приметы, но это было бесполезно: лабиринт менялся на глазах. Проход, который секунду назад был открыт, вдруг перегораживался упавшей полкой или грудой чемоданов. Словно само пространство не хотело пускать его дальше.

Он миновал уже знакомые зоны. Вот стеллаж с ключами — на этот раз их, кажется, стало больше. Вот гора очков, в которых отражался свет фонаря сотнями слепых искр. Вот дамские сумочки, из которых высыпалось содержимое: потускневшие зеркальца, губные гармошки, старые флаконы из-под духов. Запах стоял сложный, многослойный, как в антикварной лавке, но под ним всё явственнее проступал другой — тяжёлый, животный, мускусный запах присутствия.

Внезапно он вышел к небольшой площадке, которую не видел в прошлый раз. Посреди неё стоял высокий, до самого свода, стеллаж, сплошь уставленный старыми, облезлыми зеркалами. Их были десятки — в резных рамах, овальные, прямоугольные, с утраченной амальгамой. Глеб подошёл ближе, и в одном из них увидел своё отражение. Лицо его было бледным, с заострившимися чертами, под глазами залегли тени. Но что-то было не так. Отражение двигалось с едва заметной задержкой. Он поднял руку — отражение повторило жест, но на долю секунды позже, словно тот, в зазеркалье, колебался.

Глеб отпрянул, и в этот момент из глубины зеркала на него глянуло другое лицо. Старческое, морщинистое, с проваленным ртом. Оно мелькнуло и исчезло, оставив его отражение вновь одиноким. Сердце заколотилось где-то в горле. Он попятился, выставив перед собой фонарь, как оружие, и тут услышал голос. Тот самый, что пел. Только теперь он не пел, а говорил. Слова звучали глухо, но разборчиво, и доносились они откуда-то из-за зеркал.

— Не ищи то, что потеряно. Ищи то, что было украдено.

Глеб замер. Голос показался ему знакомым, но он не мог вспомнить, где слышал его раньше. Хрипловатый, низкий, с пришепётыванием на свистящих звуках.

— Кто здесь? — крикнул он в темноту. Голос сорвался, получился сиплым и жалким.

Ответом было молчание. Только эхо прокатилось под сво-

дами и замерло где-то вдали. Затем в тишине раздались шаги. Медленные, тяжёлые, размеренные. Они приближались из глубины лабиринта, и вместе с ними усиливался мускусный запах. Глеб инстинктивно попятился, ища укрытие, но вокруг были только стеллажи. Он метнулся за ближайший, заставленный горами книг и перевязанных бечёвкой папок, и замер, гася фонарь.

В полной темноте шаги звучали ещё страшнее. Они приближались, и вместе с ними слышалось шуршание, словно по полу волокли что-то тяжёлое. Глеб затаил дыхание, вжавшись спиной в холодное дерево. Запах стал почти невыносимым — смесь мускуса, гнилой плоти и мокрой шерсти.

Из-за поворота показался свет. Не электрический, а мертвенный, зеленоватый, исходивший откуда-то изнутри приближающейся фигуры. Глеб увидел край тени, упавшей на стеллаж напротив. Тень была огромна, непропорционально высока, и двигалась она рывками, словно у существа не всё в порядке с суставами. Через мгновение в поле зрения показалось и само существо.

Это был человек. Во всяком случае, когда-то был человеком. Теперь же это была высокая, сутулая фигура, замотанная в лохмотья, сквозь которые просвечивала мертвенно-бледная, обтягивающая кости кожа. На голове существа сидел не то капюшон, не то просто мешковина, скрывающая лицо. Из-под неё выбивались длинные седые патлы. Тварь остановилась в нескольких метрах от того места, где прятал-

ся Глеб, и медленно повела головой из стороны в сторону. Она принюхивалась. Длинные, костистые пальцы сжимали большой холщовый мешок, которым она волочила по полу. Мешок был чем-то наполнен и глухо стучал о камень.

Глеб не дышал. Он смотрел, как существо стоит, не двигаясь, и чувствовал, как немеют ноги. Вдруг тварь опустилась на одно колено и стала рыться в грудке вещей на полу, поднося их к лицу, затянутому мешковиной. Она перебирала предметы с какой-то жуткой нежностью, словно сортировала их. Потом отбросила что-то в сторону, развернулась и двинулась обратно, вглубь лабиринта.

Глеб ждал, пока шаги стихнут совсем, и только тогда позволил себе выдохнуть и включить фонарь. Луч дрожал в его руке. Он понял, что перед ним был Хранитель. Или, может быть, всего лишь один из слуг этого места. Оно было обитаемо, и это меняло всё.

Он вышел из укрытия и осмотрел место, где рылось существо. Там лежала куча отброшенных вещей. Среди них Глеб увидел знакомый предмет: плюшевого медведя с одной пуговицей. Второй глаз всё ещё отсутствовал. Существо его выбросило — значит, оно не искало медведя. Оно искало что-то другое. Или кого-то.

В голове у Глеба зашумело. Он вспомнил слова голоса: "Ищи то, что было украдено". Что украдено? И кем? Он обвёл лучом пространство вокруг. Стеллажи, казалось, сдвинулись ещё теснее, теперь проходы образовывали подобие спи-

рали, сходящейся к центру. Ведомый интуицией, он пошёл по этой спирали, минуя завалы старых газет, поломанных механизмов, стопок одежды, пока не упёрся в массивную стену из тёмного камня. В стене была дверь. Высокая, обитая железными полосами, без ручки, но с замочной скважиной, расположенной точно посередине.

Дверь была старинная, кованая, вся в разводах ржавчины, но замок выглядел так, будто им пользовались недавно. Над скважиной виднелась вырезанная в металле буква "Г". Точно такая же, как на ключе.

Глеб стоял перед дверью, чувствуя, как внутри всё холодеет. Это оно. Та самая дверь, для которой предназначен ключ. Врата, которые ни в одну стену не вставлены, но ведут туда, куда человеку хода нет. Он достал ключ из кармана. Металл стал ещё холоднее, почти обжигал пальцы. Дрожащей рукой он вставил ключ в скважину. Тот вошёл идеально, без малейшего сопротивления, словно замок ждал его сто лет.

Глеб помедлил. В голове пронеслась мысль о том, что будет дальше. Может быть, там его ждёт разгадка? Или гибель? Он вспомнил письмо старого антиквара: "Каждые врата требуют платы. А плата та — не золото и не серебро, а то, что человеку дороже жизни". Что он уже отдал? Детство? Память? Саму возможность другой жизни?

Трясущейся рукой он повернул ключ. Замок щёлкнул гулко, металлически, и звук этот разнёсся под сводами кладбища, многократно отражённый стеллажами. Дверь дрогнула и

начала медленно, без скрипа, открываться внутрь. Из проёма хлынул мягкий, золотистый свет — такой неуместный здесь, в царстве теней. Пахнуло теплом, деревом, мастикой для пола и чем-то неуловимо знакомым — запахом дома.

Глеб вошёл, прищурившись. И замер на пороге, не в силах пошевелиться.

Перед ним была комната. Его комната. Та самая, из детства, которую он помнил до мельчайших деталей, но не видел уже тридцать с лишним лет. Желтоватые обои с цветочным рисунком. Старый дубовый шкаф с оторванной ручкой. Кровать с металлической сеткой, застеленная лоскутным одеялом, которое шила бабушка. Деревянный пол, крашенный коричневой краской, с протёртой дорожкой коврика. На подоконнике — герань в горшке. За окном — серое небо и ветки тополя.

В центре комнаты, на кровати, сидел мальчик. Лет семи, в старой пижаме в горошек. Он держал в руках книгу, но не читал, а смотрел прямо на Глеба. Лицо его было спокойно и серьёзно, не по-детски. Это был он сам. Глеб Калинин в том возрасте, когда всё это началось.

Мальчик улыбнулся — печально и понимающе.

— Ты вернулся, — сказал он тихим, звонким голосом. — Я знал, что ты придёшь.

Глеб стоял, не в силах вымолвить ни слова. Язык присох к нёбу. Перед глазами всё поплыло.

— Ты потерял меня, — продолжал мальчик. — Тогда, во

дворе. Ты не обернулся, а я остался здесь. И ждал.

В этот миг дверь за спиной Глеба захлопнулась с оглушительным грохотом. Он обернулся, но увидел уже не дверь, а глухую стену с теми же обоями в цветочек. Ключ исчез из замка, словно его и не было.

— Теперь мы вместе, — сказал мальчик. — И отсюда нет выхода.

Глеб прижался спиной к стене, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Золотистый свет в комнате начал тускнеть, и за окном, где раньше были ветки тополя, теперь клубился зелёный туман.

Глава 3. Тот, кто остался ждать

Стена, ещё мгновение назад бывшая дверью, холодила спину даже сквозь куртку. Глеб прижимался к ней затылком, лопатками, ладонями, словно надеялся продавить, раствориться в штукатурке, выпасть обратно — в серый, промозглый, но понятный мир. Но стена была глуха и неподвижна, как надгробная плита.

Мальчик на кровати сидел всё в той же позе, поджав под себя ноги. Книга, которую он держал в руках — старая, с потрескавшимся коленкоровым переплётом, — была закрыта. Он отложил её на одеяло и теперь просто смотрел на Глеба. Взгляд его, спокойный и прозрачный, был страшнее любой гримасы. Так смотрят не дети — так смотрят существа, прожившие слишком долгую жизнь в слишком тесной оболочке.

— Откуда ты знал, что я приду? — спросил Глеб, и собственный голос показался ему чужим, доносящимся из глубины колодца.

— Я всегда знал, — ответил мальчик. — Ты забыл, а я помнил. Здесь по-другому нельзя. Здесь вообще ничего не забывается.

Он говорил без интонации, ровно, как заученный урок. И от этой ровности у Глеба мороз продрал по коже. Он отлепился от стены и сделал шаг к центру комнаты. Пол скрипнул — точно так же, как скрипел когда-то в детстве, когда

он по ночам прокрадывался на кухню за печеньем. Каждая половица имела свой голос: вот эта, у окна, поскрипывала выше, та, у шкафа, ниже. Он помнил их все. Помнил так, словно только вчера бегал здесь босиком.

— Это ведь не по-настоящему, — сказал Глеб, сам не веря своим словам. — Это... фантом. Обман.

— А что такое "по-настоящему"? — спросил мальчик. Он наклонил голову к плечу, совсем как делал сам Глеб в детстве, когда о чём-то сосредоточенно думал. — То, что снаружи, — там, где дождь и ржавчина? Там тоже всё не по-настоящему. Там люди теряют вещи, теряют друг друга, теряют себя. И никто не замечает. А здесь — всё, что потеряно. Здесь оно становится настоящим. Ты разве не понял?

Глеб осмотрелся. Комната была точна до мельчайших деталей. Вот трещина на потолке в форме змеи — он боялся её в детстве, накрывался одеялом с головой, чтобы не видеть. Вот царапина на подоконнике, оставленная ножом, когда он пытался вырезать кораблик из деревяшки. Вот пятно от пролитого вишнёвого сока на ковре — мама так и не смогла его оттереть. Всё это было настоящим. Слишком настоящим.

— Где мы? — спросил он. — Это часть того... Кладбища?

— Конечно, — мальчик спрыгнул с кровати. Он был бос, и ступни его бесшумно ступали по половицам. — Ты же сам меня оставил. Там, во дворе. Ты боялся, а я нет. Ты подошёл к тому дядьке и вдруг испугался. Развернулся и убежал к маме. А я остался с ним.

Глеб слушал, и кровь стыла в жилах. Он помнил тот момент. Вернее, не помнил, а только смутно ощущал, как провал в памяти. Синь неба, мокрая сирень, высокая фигура, выходящая из арки. И вдруг — резкий, панический страх, удар сердца, бег. Он бежал к матери, не оглядываясь. А тот, другой, остался стоять. И не просто стоять. Он остался навсегда.

— Ты — это я? — спросил Глеб, и вопрос прозвучал так глупо, так беспомощно, что он сам поморщился.

— Я — это то, что ты потерял, — сказал мальчик. — Я не весь ты. Только та часть, которую ты тогда выронил. Как ключи, как тот спичечный коробок. Только я не вещь. Я — кусок тебя.

Он подошёл ближе и встал перед Глебом, запрокинув голову, чтобы заглянуть в глаза. И в этот момент Глеб увидел то, отчего хотелось кричать. Лицо мальчика не было точной копией его детского лица. Оно было живым, подвижным, но в нём отсутствовало что-то неуловимое, что-то, что делает ребёнка ребёнком. Вокруг глаз залегли тонкие, как паутина, морщинки. В зрачках плавал зеленоватый, как туман Кладбища, огонёк. Этот ребёнок никогда не рос, но каким-то страшным образом старел.

— Сколько ты здесь? — прошептал Глеб.

— Всегда, — ответил мальчик. — С того самого дня. Ты убежал, а я остался. Мужчина в куртке взял меня за руку и привёл сюда. Сказал, что я теперь буду ждать. Сказал, что ты

когда-нибудь вернёшься. И ты вернулся.

— Кто он? Тот мужчина? — спросил Глеб.

Мальчик пожал плечами.

— Он не говорит. Он здесь главный. Но не Хозяин.

— А кто Хозяин?

— Не знаю. Его никто не видел. Но все знают, что он есть.

Это его место. Он собирает вещи. Собирает людей. Собирает всё, что потеряно. И тех, кто потерял. Тех, кто сам потерялся.

Мальчик говорил всё это буднично, как о погоде, и от этого жуть только сгущалась. Глеб отступил на шаг и опёрся о край стола. На столе стояла старая керосиновая лампа, которую он помнил по летним вечерам на даче. Он машинально взял её в руки, повертел, проверяя, нет ли внутри керосина. Лампа была пуста и холодна, но стекло оставалось чистым, без единой трещины.

— Слушай, — сказал Глеб, стараясь придать голосу уверенность, которой не испытывал. — Если ты — это я, значит, ты должен знать то, что знаю я. Я пришёл сюда не просто так. Я нашёл ключ. Я увидел фотографию. Я хочу понять, что происходит. Ты можешь мне помочь?

Мальчик долго смотрел на него, не мигая. Потом медленно кивнул.

— Ключ — это не просто ключ. Это отмычка. Он открывает все двери в этом месте. Но не только двери. Он открывает память. Ту, что спрятана. Ту, что украдена. Ты ведь заметил? Там, наверху, ты забывал. Здесь — вспоминаешь. Ключ

заставляет вспоминать то, что ты не хочешь помнить.

— Что я не хочу помнить? — переспросил Глеб.

— Всё, — просто ответил мальчик. — Всё, что ты потерял. И не только вещи.

Он развернулся и прошёл к шкафу. Открыл скрипучую дверцу. Внутри, на полках, вместо одежды лежали предметы. Знакомые и незнакомые. Глеб подошёл ближе. Его старая игрушечная машинка, которую он разбил в пять лет и горько плакал. Стекланный шарик с цветными разводами, который он выменял у соседского мальчика и потом потерял. Открытка с Новым годом от бабушки, подписанная её неровным, дрожащим почерком. Клок шерсти от кота, который жил у них, когда Глебу было три года, а потом пропал, и мать сказала, что убежал.

— Всё это — ты, — сказал мальчик. — Каждая вещь — кусочек. Ты терял, а здесь это копилось. Теперь ты можешь это забрать. Но не бесплатно.

— Что значит — не бесплатно? — Глеб сжал кулаки.

— За каждую взятую вещь нужно что-то оставить. Правило места. Ты берёшь — ты отдаёшь.

— Что оставить?

— Часть себя. Воспоминание. Чувство. Имя. Год жизни.

Что угодно. Оно само решит.

— Оно?

— Место. Кладбище. Оно живое. И оно голодное.

Глеб вспомнил письмо, найденное в архиве. "Каждые вра-

та требуют платы. А плата та — не золото и не серебро, а то, что человеку дороже жизни". Так вот что имел в виду старый антиквар. Место питалось потерями. Но оно не просто ждало, когда люди что-то забудут или выбросят — оно забирало активнее. Оно выменивало.

— А тот, в куртке, — спросил Глеб, — он что здесь делает?

— Он Страж. Или Проводник. Зовут по-разному. Он приводит тех, кто заблудился. Или тех, кто нужен. Ты ему нужен был тогда. И сейчас нужен.

— Зачем?

Мальчик молчал. Потом обернулся к двери шкафа и провёл пальцем по корешку старой тетрадки, стоящей среди вещей.

— Ты сам узнаешь. Если пойдёшь дальше. Если нет — останешься здесь. Со мной. Я не против. Мне скучно одному.

Глеб сглотнул.

— Я не могу остаться. Мне нужно найти выход.

— Выхода нет. Есть только путь вглубь. Или обратно — но ты ведь не хочешь обратно? Ты же зачем-то пришёл. Зачем?

Вопрос повис в воздухе. Глеб задумался. Действительно — зачем? Он мог бы уйти ещё тогда, в первый раз. Мог бы забыть, списать на усталость, на галлюцинацию. Но он не забыл. Он вернулся. И не только потому, что ключ жёг карман. Было что-то ещё. Что-то, что тянуло его сюда, как магнитом.

Что-то, что было украдено у него давным-давно, и о чём он даже не подозревал.

— Я хочу знать, кто я, — сказал он наконец. — Почему та фотография существует. Почему я там — и взрослый, и ребёнок. Кто тот человек.

— Тогда тебе нужно идти к Сердцу, — сказал мальчик. — Там все ответы.

— Где это?

— Далеко. В центре. Но путь туда длинный. И опасный. Здесь не только я. Здесь много других. Некоторые из них злые. Некоторые голодные. Некоторые забыли себя настолько, что стали совсем не людьми.

Глеб вспомнил Хранителя — сутулую фигуру с мешком, которая принюхивалась к вещам. Да, здесь определённо были обитатели.

— Ты проведёшь меня? — спросил он.

Мальчик покачал головой.

— Я не могу отсюда уйти. Эта комната — моя клетка. Я привязан к ней, как и все вещи здесь привязаны к своим полкам. Я жду, пока ты меня не освободишь.

— Как я могу тебя освободить?

— Не знаю. Может быть, когда ты найдёшь то, что ищешь. Может быть, когда поймёшь, зачем ты здесь на самом деле. А может, никогда. Некоторые ждут вечно.

В его голосе не было ни обиды, ни надежды — только констатация факта. И это бесконечное, бездонное приятие своей

участи было самым страшным. Глеб смотрел на этого странного ребёнка с морщинками у глаз и чувствовал, как сердце разрывается от боли и ужаса. Он потерял не просто игрушку или фотографию. Он потерял себя. Вернее, ту версию себя, которая могла бы вырасти иначе. Которая не убежала бы тогда от тени в арке. Которая осталась и узнала правду.

— Я найду способ, — сказал Глеб. — Я тебя вытащу. Обещаю.

Мальчик улыбнулся — грустно, по-стариковски.

— Все так говорят. Но ты — это я. Так что, может быть, ты и вправду сможешь.

Он подошёл к столу и взял с него какой-то предмет, которого Глеб раньше не заметил. Это был маленький компас — старый, медный, с потускневшим циферблатом. Но вместо сторон света на нём были выгравированы странные знаки: спирали, круги, пересекающиеся линии.

— Держи, — мальчик протянул компас Глебу. — Это поможет тебе не заблудиться. Стрелка всегда показывает на Сердце. Только не верь глазам. Верь стрелке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.